Отрицательная оценка интеллектуальных способностей женщины передается следующими зоонимами: goose «простушка, дура», silly mare «глупая женщина», silly filly «сексапильная женщина недалекого ума».

Семантический признак «половая распущенность» реализуется в лексических и фразеологических единицах через следующие зоонимические признаки: cat «дешевая проститутка»; dog «проститутка»; «распутная женщина»; alley cat «проститутка, потаскуха»; bat «проститутка», женщина лёгкого поведения»; rat «распутная женщина»; pig's meat: a girl or woman, especially an inexperienced, but sexually willing girl or an old promiscuous woman «девушка или женщина, особенно неопытная, но распутная девушка или старая женщина»; guinea hen «проститутка»; fruit fly «проститутка»; head chick «проститутка»; game pullet «молодая проститутка»; hawk «дешёвая (уличная) проститутка»; bitch «шлюха, проститутка»; bed bunny «женщина легкого поведения»; cuddle cat (cuddle bunny) «распутная женщина»; «проститутка (редко)»; quail «распутная женщина»; owl «проститутка»; plover «проститутка»; moth «ночная бабочка». Женщины, имеющие связь с женатыми мужчинами, интерпретируются через аналогии с животными chicken, chickling, chicklet, spring chicken «любовница»; mouse «любовница»; lamb/lambie «любовница»; chick «любовница».

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует отметить, что в единицах, описывающих образ женщины как части английской картины мира преобладает отрицательная коннотация, что подтверждается описанием ее пороков и отчетливо негативного отношения к ней в зоонимической лексике. Как показал анализ языкового материала, в зоонимической лексике отмечается гораздо меньше единиц, фиксирующих в образе женщины положительные качества нежели единиц, передающих её отрицательные качества. Номинативная плотность зоонимического признака концепта «женщина» в английском языке показывает, что восприятие женщины определяется субъектом оценки с точки зрения возможности получить удовольствие. В сознании носителей англоязычной культуры женщина часто представляется как объект вожделения. Такое отношение к женщине во многом обуславливает её положительные характеристики. Их набор определяется степенью полезности для мужчины. В связи с этим положительную оценку получают привлекательность, молодость, сексуальность.

1. Введенская, Л. А. Русская лексикография; учебное пособие. – Москва, 2007. -352с.
2. Метельская Е. В., Рябичкина Г. В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. – Астрахань, 2011. - 156 с.
3. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русского жаргона. - Москва, 2000. - 626 с.
4. Никитин М. В., Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира. - Иркутск, 2000. - 23 с.

Эшиев А.М.

Элементы художественного языка в поэме «Слово о полку Игореве» и эпосе «Манас»

*Жалал-Абадский государственный университет
(Кыргызстан, Жалал-Абад)*

doi: 10.18411/lj-08-2020-187

idsp: ljjournal-08-2020-187

Аннотация

В статье сопоставляются и идентифицируются стилистические фигуры и этнонимы, антропонимы определенных этнических единиц – разные художественно-эстетические и историко-этнологические понятия. Отмечается, что поэтическая

даровитость создателя древнерусской поэмы (и сказителей-манасчи) и сокровенная правила художественного стихосложения не давали называть вещи своими именами, и взамен использовать особых приемов и стилей изящной словесности. Делается вывод, что автор «Слова» и сказители-манасчи были не только талантливыми художниками, искусными повествователями, но и обладателями арсеналов художественного языка и стилистического приема описания.

Ключевые слова: художественный язык, стилистическая фигура, зоонимы, «Слово о полку Игореве», Эпос «Манас», создатель поэмы, сказители-манасчи, этнонимы.

Abstract

The article compares and identifies stylistic figures and ethnonyms, anthroponyms of certain ethnic units - different artistic-aesthetic and historical-ethnological concepts. It is noted that the poetic talent of the creator of the Old Russian poem (and the storytellers-manaschi) and the secret rules of artistic versification did not allow calling things by their proper names, and instead using special techniques and styles of fine literature. It is concluded that the author of the "Lay" and the storytellers-manaschi were not only talented artists, skillful storytellers, but also the owners of arsenals of artistic language and stylistic methods of description.

Keywords: artistic language, stylistic figure, zoonym, "The Tale of Igor's Campaign", Epic "Manas", the creator of the poem, storytellers-manaschi, ethnonyms.

Художественные тропы, стилистические фигуры, с одной стороны, этнонимы, антропонимы определенных этнических единиц, с другой стороны – это разные художественно-эстетические и историко-этнографические понятия. Как нам видится, автор древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве» смог соединить их воедино. Быть может, он не был посторонним наблюдателем, а как просвещенный и эрудированный ратоборец, мог находиться в передовых рядах княжеской дружины или ратников. Обо всех перипетиях войскового похода Игоря он знал не понаслышке. По контексту изложения автор в какой-то степени был знаком и с половецким наречием, достаточно информирован о родовом укладе и распорядке конного воинства.

Некоторые зоонимы в поэме «Слово о полку Игореве» («Слово»), судя по всему, имеют замаскированную стилистическую окраску, и в сущности могли бы оказаться неприятельскими этнонимами.

В «Слове»:

галици стады бежать

къ Дону великому [8, с. 49].

В стихотворной строке „галици стады бежать”, видимо, подразумеваются перемещения вражеских конных отрядов.

Щекоть славий успе;

Говорь галичь убуди [8, с. 51].

Кажется, в строках речь идет о том, что (зооним) славий отошел ко сну, а (зооним) галичь заменяет его и переходит к бодрствованию, т.е. одного родового (славий) войска заменяет другое родовое (галичь) войско.

В «Слове»:

а галици свою речь говоряхуть,

хотять полетети на уедие [8, с. 54].

Здесь, „галици ... хотять полетети”, а не „галици стады бежать” [8, с. 49]. Вероятнее всего, в строке “Говорь галичь убуди” [8, с. 51] говорится о галицком ночном бодрствующем сторожевом наряде, а в строчке “хотять полетети на уедие” [8, с. 54] о галицком летучем отряде. Однако во всех этих стихотворных строках говорится

об одном и том же родоплеменном войске (галици (галичъ)). По всей видимости, (“галичское”) родовое войско было разделено на отряды особого назначения.

В эпосе «Манас»:

Орустан чыккан Бороон чал (Выехавший из Руси Борон чал)

Ошо келип сынаган (Стал придирчиво оценивать) [6, с. 131].

Быть может, эпический эпоним Бороон (чал) имел родственные связи с этнонимом барын (баарин). Он как династический представитель этноса барын, находившийся в пределах восточной Руси, мог присутствовать на тризне Кокотой хана (по эпосу «Манас»). Пожалуй, об этом нам подсказывает сам сказитель-манасчи: “выехавший из Руси Борон чал” (а не “выходец из Руси Борон чал”).

В эпосе «Манас»:

Эштектен келген Жамгырчы (Из Эштека Жамгырчы)

Бас журтунда бу бир кан (Он хан в народе Бас) [4, с. 61].

В «Слове»:

Всю ночь съ вечера

Бусови врани възгряху у Плесеньска [8, с. 57].

ни тебе, чръный воронъ,

Поганый половчине! [8, с. 52].

Поэтико-аллегорические гряхущие „врани” („воронъ”) - это, похоже, этноним барын (баарин), и, скорее всего, о таком эпониме говорится в «Повести временных лет»: „потомъ с Ростиславом же у Варина веже взяхом” [7, с. 58]. Тут речь идет о том, что русские князья смогли захватить многочисленные вежи у половецкого правителя Варина (возможно, глава племени барын (баарин)). “Бусови врани” - это, возможно, Бусово барыни. Может быть, здесь говорится о поздних сородичах, “хана в народе Бас” Жамгырчы, разумеется, если считать эпического Баса и поэтического Буса одним и тем же персонажем. Известно, что в летописях говорится о Ногайском Ямгурчи [1, с. 476], надо думать, об эпическом тезке Жамгырчы. Имеются летописные сведения о «половецком князе по имени Басты в 1223/4 г.» [2, с. 44]. Нельзя ли идентифицировать имени половецкого князя Басты с ранним эпическим эпонимом Бас?

Тропы и стилистические фигуры как основные элементы художественного языка произведения наглядно заметны и зримы невооруженным глазом. Однако преобразования происходят и внутри самого слова, в его значении, хотя внешне это никак не выражается.

В «Слове»:

Тогда вороны не граахуть,

галици помлькоша,

сорокы не трескотоша,

полозие ползаша только,

Дятлове тектомъ путь къ рече кажутъ,

соловии веселыми песньми

светъ поведають [8, с. 67].

Видимо, умелость художника-творца в том, что он отыскивает и обнаруживает адекватные старинные лексемы-зоонимы (вороны, галици, сорокы, полозие, дятлове, соловии) на экзотичные этнонимы неприятельских этнических единиц. Поэтическая даровитость создателя «Слова» и сокровенная правила художественного стихосложения, похоже, не давал называть вещи своими именами, и взамен использовать особых приемов и стилей изящной словесности. Возможно, ветераны-дружинники Игорева похода и народная живая память догадывались о ком (и о чем) идет речь.

Очень может быть, что первые сказители-манасчи (прежде певцы-импровизаторы) находились в числе сорока витязей и племенных войсковых единиц

Манаса Великодушного. Одаренный художник-импровизатор, в силу своей индивидуальности и неповторимости, не нарушая имеющихся эпических правил, создает эпическую картину мира. Так, в эпосе «Манас» имеются художественные приемы-олицетворения, где приграничные вражеские этносы стилистически персонифицируются в виде горных баранов и лебедей-уток.

В эпосе «Манас»:

Душмандын жолун сактаган (На охране вражеских путей)
 Куу өрдөк деген өрдөк бар. (Есть лебедь-утка куу өрдөк.)
 Куу өрдөк көлдөн учкандыр, (Улетел ли из озера куу өрдөк,)
 Куйрукка мөөр баскандыр. (С печатью-тамгой на хвосте.)
 Кулжасы белден качкандыр, (Убежал ли из нагорья горный баран,)
 Мүйүзгө жазуу жазгандыр, (Отчеканив письмо на рогах,)
 Конурбайга баргандыр, (Подбежал ли к Конурбаю,)
 Коркутуп кабар салгандыр... (Потревожил ли жуткими вестями...) [5, с. 210].

Очевидно,- автор «Слова» и первые сказители-манасчи были не только талантливыми художниками, искусными повествователями, но и обладателями арсеналов художественного языка и стилистического приема описания. Думается, что они особо не претендовали на прозвание первенцев зачинателей, и, не исключено, что еще до них существовала подобная образцовая поэтическая школа и изящная художественная практика.

1. Карамзин Н.М. Предания веков. М.: Изд. Правда, 1988. - 478 с.
2. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена Половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М.: Полимедиа, 2013. - 280 с.
3. Манас. Сагымбай Орозбаковдун варианты боюнча. II китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1980. (Манас. По варианту Сагымбая Орозбакова. II книга. Фрунзе, 1980).
4. Манас. Сагымбай Орозбаковдун варианты боюнча. III китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. (Манас. По варианту Сагымбая Орозбакова. III книга. Фрунзе, 1981).
5. Манас. Сагымбай Орозбаковдун варианты боюнча. IV китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. (Манас. По варианту Сагымбая Орозбакова. IV книга. Фрунзе, 1982).
6. Манас. Шапак Рысмендеевдин айткан варианты боюнча. Бишкек, 2013. - 436 с. (Манас. По варианту Шапака Рысмендеева. Бишкек, 2013).
7. Русская литература XI-XVIII вв. М.: Художественная литература, 1988. - 495 с.
8. Слово о полку Игореве. Ленинград: Советский писатель, 1990. - 400 с.

Эшиев А.М.

Старейшина хан Кошой и племя катаган в эпосе «Манас»

*Жалал-Абадский государственный университет
 (Кыргызстан, Жалал-Абад)*

doi: 10.18411/lj-08-2020-188

idsp: ljournal-08-2020-188

Аннотация

Рассматриваются эпический эпоним Кошой и этнос катаган, их исторические параллели, аналогии. Отмечается, что в структуре родословной предков Чингиз-хана был родовой антропоним Катаки (Хадаги) и племя катакин. Сопоставляются и идентифицируются антропоним Хадаан(-Далдурхан) в лагере Темуджина и антропоним Хадагин в лагере Джамухи. Предполагается, что многие этнонимы в эпосе «Манас» и антропоним Катаки (Хадаги) чингизидов могли иметь одного общего предка.

Ключевые слова: эпоним, Кошой, Эпос «Манас», этноним, катаган, антропоним, Катаки (Хадаги), чингизиды.